

Отчетъ д-ра Г. I. Рамстедта за 1903 годъ.

Согласно моей программѣ путешествія, на выполненіе которой мнѣ Имп. Гельсингфорскимъ университетомъ была дана такъ называемая антельская стипендія, я совершилъ двѣ поѣздки: одну къ волжскимъ калмыкамъ, другую для собиранія свѣдѣній о монгольскихъ племенахъ, живущихъ въ Афганистанѣ.

Первая поѣздка начата мною 3-го марта 1903 г. *), когда я покинулъ Гельсингфорсъ. Пробывъ въ С.-Петербургѣ до 15-го, я поѣхалъ въ Царицынъ и Сарепту, куда прибылъ 19-го марта. Тамъ я впервые увидѣлъ калмыцкія юрты, но скоро нашелъ, что число калмыковъ, живущихъ въ Сарептѣ, около 200, для меня недостаточное. 23-го марта я выѣхалъ къ моему старинному знакомому, завѣдующему бакши Малодербетевскаго улуса, База-бакши Менкеджіеву, въ его резиденцію Оройнъ-булукъ, верстахъ въ 40 къ SSO отъ станціи Гнилоаксайской, Тихорѣцко-царицынской вѣтви жел. дороги. Хотя бакши при моемъ пріѣздѣ былъ уже боленъ, я все же имѣлъ случай съ нимъ поговорить. По его совѣту я вернулся въ Сарепту, чтобы, запасшись тамъ съѣстными и др. припасами, ѣхать черезъ Тундутово въ Ханату — зимникъ Дунду-хурулова рода.

Тамъ я уже принялся за составленіе списка калмыцкихъ словъ, когда всѣ члены хурула стали одинъ за другимъ разъѣзжаться и жилища Ханату опустѣли.

11-го апрѣля я поѣхалъ назадъ въ Оройнъ-булукъ — лѣтникъ Дунду-хурулова рода. Тутъ разсѣявшіеся члены хурула снова собрались въ долину Нуграй; я поселился въ небольшой избушкѣ по близости отъ дома (храма—сöме) бакши. Сожителемъ я взялъ себѣ Босхомчжи-гелюна, который мнѣ между прочимъ разсказалъ 8 длинныхъ сказокъ и вообще оказался очень услужливымъ. Въ этомъ помѣщеніи я прожилъ за работой до конца мая, когда я нанялъ себѣ юрту, чтобы жить нѣсколько подалеже отъ храма большого бакши. вмѣстѣ съ тѣмъ я нанялъ себѣ въ услуженіе 15-тилѣтняго мальчика Бальдера, такъ какъ до этого времени мнѣ самому приходилось готовить пищу, чис-

*) Всѣ даты по новому стилю.

тять, подметать и вообще заботиться обо всемъ своемъ хозяйствѣ, что отнимало много времени.

Отъ Бальдера и нѣкоторыхъ другихъ калмыковъ, которые вообще охотно меня посѣщали, я записалъ сказки, загадки и всякія свѣдѣнія.

Здоровье База-бакши все ухудшалось и я увидѣлъ, что мое дальнѣйшее пребываніе становилось для меня безцѣльнымъ и даже нежелательнымъ для его приближенныхъ. 14-го іюня я въ послѣдній разъ простился съ почтеннымъ бакши — энергичнымъ путешественникомъ по Тибету (онъ скончался 8 августа).

Я поѣхалъ въ Червлѣнную — маленькую калмыцкую деревеньку на границѣ Саратовской губерніи; въ это время въ Червлѣнной находился лекторъ калмыцкаго языка казанской духовной академіи г. Личжи Нормаевъ. Я оставался въ Червлѣнной до конца іюля, когда дальнѣйшее пребываніе тутъ сдѣлалось для меня невыносимымъ вслѣдствіе ужасной жары. 30-го іюля я поѣхалъ въ Астрахань, чтобы повидать калмыковъ-торгоутовъ; оказалось, что языкъ калмыковъ-торгоутовъ не представляетъ собою значительныхъ особенностей, и поэтому я вернулъся изъ Астрахани въ Саренту. 6-го августа я выѣхалъ изъ Царицына домой въ Финляндію, куда и прибылъ 9-го августа.

Поѣздка моя къ калмыкамъ, какъ мнѣ кажется, оказалась довольно удачною. Помимо различныхъ записей, я произвелъ систематическія наблюденія надъ фонетикою языка калмыковъ въ его современномъ прозяженіи, чего до сихъ поръ совершенно не было сдѣлано. Этихъ свѣдѣній нельзя почерпнуть изъ письменныхъ памятниковъ калмыцкаго языка.

Языкъ калмыковъ былъ извѣстенъ до сихъ поръ только въ книжной его формѣ и поэтому такія явленія, какъ «umlaut», редукція дифтонговъ въ долгіе гласныя, выпаденіе краткаго гласнаго второго слога, нарушеніе «гармоніи гласныхъ», положеніе вопроса объ удареніи и многое другое оставались совершенно неизвѣстными.

Въ флексіяхъ упраздненіе гармоніи гласныхъ внесло множество параллельныхъ формъ и новыхъ парадигмъ. Языко-историческихъ новообразованій въ калмыцкомъ языкѣ множество, но на нихъ до настоящаго времени не было обращено вниманія.

Въ качествѣ образцовъ языка у меня 20 сказокъ, около 100 загадокъ, 200 пословицъ, 40 народныхъ пѣсенъ. Кромѣ того я съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ записалъ 20 фонограммъ калмыцкихъ мелодій, а также сдѣлалъ множество фотографическихъ снимковъ изъ жизни калмыковъ.

Перечень калмыцкихъ словъ еще не законченъ, такъ какъ я не успѣлъ еще для этой цѣли пройти какъ слѣдуетъ всѣ мои образцы языка. За пѣсни я долженъ главнымъ образомъ благодарить княгиню Э. Тундутову, предоставившую въ мое распоряженіе свое собраніе.

Второе путешествіе согласно программѣ предполагено было съ сентября 1903 г. по іюнь 1904 г. и должно было служить для собранія свѣдѣній объ афганскихъ монголахъ.

Первоначально я намѣревался ѣхать въ Кабуль, но когда я изъ переписки съ разными лицами на мѣстахъ выяснилъ себѣ, что попасть въ Афганистанъ трудно со всѣхъ сторонъ и что попытки сопряжены съ большими опасностями, я съ рекомендаціями отъ Русскаго Комитета, послѣ того какъ всѣ необходимыя мѣры были приняты, проѣхалъ на Кушкинскій постъ, куда я прибылъ 18-го октября. Благодаря любезности г. коменданта и интересу, съ которымъ онъ отнесся къ моей задачѣ, уже 22-го октября были найдены случайно среди афганцевъ-рабочихъ два человѣка, называвшіе себя моубл. Братья: Рустамъ и Абдилла пришли за нѣсколько дней до этого на Кушку для пріисканія себѣ работы. Я ихъ сталъ спрашивать по монгольски о томъ, о семъ, и къ моему великому изумленію они меня понимали довольно хорошо. Черезъ комендантскаго переводчика мы договорились съ ними, что они въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ будутъ служить мнѣ въ Мервѣ за обычную ежедневную плату. Но уже черезъ нѣсколько дней они попытались бѣжать, и мнѣ пришлось просить ихъ поймать. Они объяснили, что они боятся афганскихъ шпионовъ; подъ конецъ все же они пообѣщали остаться. Такъ какъ заниматься съ этими двумя моголами на Кушкѣ мнѣ оказалось невозможнымъ, то мы съ ними уѣхали въ Мервъ 28-го октября.

Старшій изъ моихъ моголовъ заболѣлъ уже на слѣдующій день по прибытіи въ Мервъ, и я занимался съ младшимъ—Абдилла, который былъ

болѣе самостоятельный и развитой въ духовномъ отношеніи. Но уже 2-го ноября я самъ заболѣлъ кушкинской лихорадкой и отпустилъ моихъ моголовъ домой.

Если мнѣ не удастся найти еще нѣсколько моголовъ, то результаты экскурсіи окажутся довольно слабыми. Языкъ моголовъ останется мало изслѣдованнымъ, такъ какъ тотъ запасъ словъ, который можно набрать изъ записанныхъ мною фразъ (числомъ до 2000) не превзойдетъ 500 словъ.

Къ сожалѣнію ни одинъ изъ братьевъ не зналъ ни пѣсень, ни сказокъ, такъ что у меня не получилось ни одного связнаго текста. Зато главнѣйшія черты фонетики языка моголовъ и его грамматики, а также его отношеніе къ другимъ діалектамъ монгольскаго языка достаточно освѣщены моими записями.

Оба могола говорятъ на языкѣ, который повидимому происходитъ отъ письменнаго монгольскаго; всѣ новѣйшія добавленія либо персидскія, либо афганскія или хинду. Въ общемъ языкъ моголовъ крайне архаиченъ и хорошо сохранилъ свой первоначальный монгольскій характеръ.

Такимъ образомъ эти монголы, которые вѣроятно уже въ 1269 г. (согласно Марко Поло, который называлъ ихъ карѣнами) отдѣлились отъ своихъ сородичей, теперь снова найдены.

Название «аймаки», иногда придававшееся имъ, не принадлежитъ имъ; «чѣр аймак» (4 аймака, или рода) называютъ себя вмѣстѣ: Чжемшиди, Хазара, Фирузъ-кухи и Теймене. Повидимому моголы и хазара не родственны между собой, такъ какъ хазара и всѣ другіе «аймаки» говорятъ по пово-персидски. Афганскіе моголы составляютъ еще и теперь особое племя, которое, разсѣянное болѣе или менѣе значительными группами, живетъ между Гератомъ, Кабуломъ и Кандагаромъ. Они повидимому сохранили многіе древніе обычаи, традиціи и легенды; Рустамъ и Абдилла разсказывали, что ихъ предки за 1000 лѣтъ тому назадъ пришли въ Афганистанъ въ качествѣ воиновъ «Чѣңгиз» — хана.

Письменныхъ памятниковъ или литературы у нихъ нѣтъ.

Г. Іонъ Рамстедтъ.

Мервъ. Ноябрь 1903 г.

Переведено. С.ПБ. $\frac{\text{декабрь}}{\text{ноябрь}}$ 1903 г.